

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

ВУК ЗАДУНАЙСКИЙ
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ТАРТАРИИ

Том 1

ПАНЫ, ХОЛОПЫ И ДРУГИЕ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-15

Задунайский, В.

3-15 Тайная история Тартарии. Том 1. Паны, холопы и Другие/ В. Задунайский, В. Свержин, Д. Белаш, А. Белаш. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 470 с.

ISBN 978-5-521-90935-3

Тартария... Древняя и малоизученная страна на старинных картах. Но чтобы попасть в это загадочное место, не надо ходить далеко. Тартария окружает нас со всех сторон. Там всё, как и тут. Те же леса и болота. Те же зима и лето. Те же паны и холопы. Только Другие там живут прямо среди людей. Но наступают страшные времена. Сдвигаются невидимые глазу силовые линии. И тогда безумие охватывает целые народы. Оплетают всех своими тайными интригами иезуиты, которые и не люди вовсе, а скорее рептилоиды. Но жестокий гетман-оборотень уже штурмует их крепости, чтобы привести земли Тартарии под скипетр московского царя.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90935-3

© Свержин В., текст, 2021,
© Задунайский В., текст, 2021
© Белаш Л., текст, 2021
© Белаш А., текст, 2021
© Павлов А., оформление, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Вук Задунайский, Александр и Людмила Белаш)	4
Белый Хорт (Владимир Свержин)	9
Грань (Людмила и Александр Белаш)	52
Страна крепостей (Вук Задунайский)	123
Аскольдова могила (Владислав Русанов)	242
Дело Вия (Вук Задунайский)	322
Панская часовня (Людмила и Александр Белаш)	356
Испытательный срок (Наталья Резанова)	380
Индуc (Татьяна Андрущенко)	415
Память воды (Вук Задунайский)	431
Топóля (Татьяна Андрущенко)	453
Послесловие (Вук Задунайский, Вера Камша)	467

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами сборник рассказов и повестей, написанных в различных жанрах — мистический реализм, альтернативная история, криптоистория, фантастический реализм, даже сатира. Так что жанр — не главное. Главная отличительная особенность произведений из сборника — это то, что посвящены они России и ближайших к ней территориям, которые сегодня находятся в границах Белоруссии и Украины. Это можно расценивать как всплеск интереса к экзотике, — действительно, в какие только времена, на какие континенты, планеты и в далекие-далекие галактики авторы порой не забрасывают своих персонажей, но вот близлежащие площадки интересуют их гораздо меньше. Но можно и поразмыслить о том, отчего это вдруг российские писатели-фантасты вдруг потянулись к этой, почти забытой теме.

И ведь если задуматься, экзотики, настоящей фантастической экзотики — с разумными и не очень рептилоидами, марсианами, гигантскими плотоядными тараканами и космическими кораблями, бороздящими просторы Вселенной, — на прилежащих к границам России территориях нет и быть не может. Этно-колорита в лице русалок, панночек, казаков, горилки, сала — сколько угодно. А того, что мы привыкли видеть в книгах на полках с надписью «Фантастика» в книжных магазинах — нет. Что же там есть тогда?

Здесь мы подходим к интересному и, наверное, главному вопросу. Думаю, никто не будет спорить, что русские, украинцы и белорусы — очень близкие народы, которые к тому же не так уж и давно по историческим меркам были единым наро-

дом. Стало быть, и путь у нас общий. И сознание тоже. И даже, что интереснее — бессознательное. А значит — у нас общие и фантазии, и сказки, и архетипы, и много чего еще. Безусловно, отдельные части этого общего организма могут переживать невероятные и даже пугающие трансформации, но они будут именно так и восприниматься — как проблемы и беды единого тела. Оторванные конечности не болят. А поскольку последние триста лет, за исключением кратковременных периодов войн и революций, а также последних 25 лет эти территории представляли собой единое государство, то и писатели обращались к ним не так уж и часто — ведь не болело, да и история воссоединения Украины с Россией казалась необратимой и лишенной обратных перспектив. Обращались нечасто — зато метко.

Первый, кто тут же приходит на ум, — это Гоголь, Николай Васильевич. Именно он вытащил на свет божий, препарировал и инвентаризировал весь этот, хорошо известный сегодня украинский бестиарий — с жуткими казаками-оборотнями, Виєм, ведьмами-панночками и прочими характерными представителями флоры и фауны сопредельных территорий. Гоголь всегда был, если можно так сказать, популярен, при любом общественном строе и режиме. Он часто экранизировался: и в советское время, и уже в новейшее, постсоветское. Но случилось то, чего, с одной стороны, ждет, а с другой — должен бояться любой писатель, посвящающий свои строки сверхъестественному. Проинвентаризированная некогда нечисть, за давностью лет сданная в музей, полезла буквально из всех щелей. Тут Гоголя уже мало, нужно как-то объяснять происходящее: либо, рационализируя его, рассказывать об особенностях национального менталитета, либо, напротив, иррационализируя, выписывать во всех подробностях те странные, если не сказать — страшные фантазии, охватившие братские народы.

И тут вступает в действие старый добрый «закон творца», слегка переделанный под специфику литературного труда:

«Если хочешь прочитать хорошую книгу, напиши ее сам». Вот авторы и пишут. И благодаря им, минуя уже набивших оскомину панночек и Виев, которые оказываются всего лишь верхушкой айсберга, мы вырываемся на оперативный простор Тартарии, или как ее еще называли — Russia Alba — этого особого региона в «мягком подбрюшьи» Российского государства, где постоянно сталкиваются глобальные геополитические интересы, а потому чертовщина цветет «пышным цветом» во все времена и эпохи. Фронтир — он и есть фронтир, в самом что ни на есть универсальном значении малоцивилизованной окраины, куда еще не добрались чудеса науки, техники и законности, и где, в отличие от уютной метрополии, отважных героев ждут невероятные приключения.

И не наша вина, что фронтир этот оказался у нас под самым боком. Чтобы попасть в удивительный мир Тартарии, не надо лететь в неизведанные страны и придумывать далекие-далекие галактики. Тартария не так далеко от Москвы, на поезде можно доехать, и даже на машине. Там всё, как у нас. Почти. Те же леса да болота. Та же зима и то же лето. Только, в отличие от нас, Другие там живут не где-то далеко, а прямо среди людей, да и сами люди до сих пор делятся на панов и холопов. Потомки древних родов там наделены особой, сверхъестественной силой, а призраки не просто безобразят в ночное время, а охраняют родные места от чужаков залетных.

Как и принято в общеславянской традиции, мертвые не оставляют живых в беде — и в этом наше отличие от, скажем, европейской или американской традиций, где мертвецы, как правило, злобны и враждебны людям. Только ждать беды той уже недолго. Сдвигаются невидимые обычному глазу силовые линии, образуя кармические узлы. Бьются в падучей целые народы, безумием своим заражая других. Оплетают всех своими интригами иезуиты, которые и не люди вовсе, а какие-то скользкие засланцы неведь откуда. И вот уже жестокий гет-

ман-оборотень штурмует крепости, где засели они, дабы привести Белую, а заодно и Малую Русь под скипетр московского царя. Вот тебе и скучные области «по соседству». Вот тебе и провинциальные байки. Под боком, как оказалось, мистики и непознанного может таиться больше, чем в пресловутых далеких галактиках, причем происходит всё это не где-нибудь там, а здесь и сейчас. Есть, о чем задуматься. Есть, о чем написать. Есть, о чем прочитать.

Потому что написанное в сборнике даже не про рептилоидов с планеты Нибиру, и не про происки тайных и неумолимых иномировых сил, а про связь времен. Грубо говоря, лампочки в подъездах нам не инопланетяне выкрутили. И кнопки в лифтах пожгли — тоже не зеленые человечки. Посему нечисть, лезущая из братских народов, на самом деле наша, общая, родная, можно сказать, нечисть, и лезет она из всех нас при определенных условиях. Только преодолевать ее каждый будет по-своему: кто-то вернется с этой битвы со щитом, кто-то — на щите, а кто-то — и вовсе дезертирует. Но в этом писатели-фантасты уже не виноваты. Они как врачи-диагносты, их цель — правильно диагностировать болезнь и записать диагноз в карту. Хирургами работают обычно совсем другие. А порой и сама жизнь.

И еще о диагнозах. В 2009 году украинские СМИ разразились серией статей о «провокационных книгах» фантастического жанра, описывающих войну между Донбассом и Украиной (упоминались в основном «Война 2010. Украинский фронт» Федора Березина, «Поле боя — Украина. Сломанный трезубец» Георгия Савицкого и «Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва). Тогда это казалось всем фантастикой, если не хуже — провокацией. Сейчас это уже не кажется никому чем-то невероятным. Жизнь оказалась невероятнее и страшнее любой сказки. Но в этом не сказка виновата.

Фантастика ценна не только сама по себе, как литературное произведение, которое может быть интересным и захватыва-

ющим, а может — скучным и вторичным. Фантастика ценна своим прогностическим потенциалом. Этот потенциал у донецких писателей, более десяти лет назад довольно точно описавших сегодняшние события, оказался просто огромным. Ибо сейчас эта фантастика — это уже сугубый реализм. Это ли не лучшая награда для фантаста? Если в данном случае вообще может речь идти о каких-то наградах, ведь в том, что война пришла к тебе в дом, нет ничего хорошего.

Представленные в сборнике рассказы и повести вроде бы не обращены в будущее. Скорее в прошлое. Но кто сказал, что его осознание не способно влиять на происходящее сейчас за окном? Тут остается только сказать — иди и смотри.

Вук Задунайский
Александр и Людмила Белаиш

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

БЕЛЫЙ ХОРТ

Прохладная струя ударила ему в лицо. Не открывая глаз, он жадно ловил пересохшими губами капли воды. Это было спасением от полуденного жара, от изнурительной жажды, от которой путались мысли. Это было спасением. Иван уже потерял счет времени, так долго стоит привязанный к великанскому дубу. Первые часы ему казалось, что веревка жжет, душит его, а сейчас он ее даже не чувствовал, будто сросся с огромным деревом. Куда-то делись голод и страх. Они просто растаяли, канули невесть куда. Ну, да и бог с ними.

Лихих людей и лютого зверя он не боялся. Его серый побратим, повинувшись неслышному зову, вышел из чащи и улегся прямо у ног. Кому охота тягаться с таким волчиной? Но старика он все же подпускал. Нехотя вставал, приподнимал верхнюю губу, обнажая клыки, приглушенно рычал, но отходил шага на три-четыре. Вполне достаточно, чтобы при случае прыгнуть и в мгновение ока перекусить седобородому шейные позвонки. Много ли такому надо, чтобы дух вон? Однако Иван чувствовал — так, да не так.

Вон, в первый день их знакомства чего дед учудил! Тогда он с серым побратимом понуро брел по берегу, вспоминая хохот добрых молодцев-сечевиков — мол, куда тебе, мальцу неразумному, прутуку вербному, за оружие браться? Тебе, хлопчик, впору на палке скакать, да за мамкину юбку держаться! Вот тут-то дедок и появился за его спиной, закричал по-стариковски, окликнул негромко, оперся на длинный резной посох.

— Ты б, голубь, уважил старика, по тропке спустился к реке, принес бы мне водицы испить.

И откуда только взялся?!

Иван глянул на него, поклонился, как отец с матерью учили, и сказал со всем почтением:

— Живо сбегая, дедушка. Да только не в горсти же нести?

— Зачем в горсти? — усмехнувшись в белые усы, ответил дед. — Вот тебе ковшик. Осилишь его сюда дотащить?

Ничего Иван не ответил, лишь из-под бровей обиженно глянул, взял березовый ковш, спустился к воде, зачерпнул... а поднять-то не может! Тянет, аж руки выламываются — а толку нет, ковш будто увяз, не сдвинуть, и все тут.

— И впрямь, я вижу, силенок ты еще не набрался! — потешается старик.

Ивана как прорвало, ковш бросил, кулаки сжал и вверх по тропке кинулся. А старик уже... на другом берегу Днепра стоит, хохочет, за живот держится.

— Уж не биться ли ты со мной удумал, парень?

И, что самое обидное — ковш уже у деда в руках, и полон воды! Тут у Ивана сердчишко-то и упало, понял — не простого старичка он встретил. И встреча эта неспроста.

— Не суди меня, дедушка, не со зла я! — бухнулся он на колени. — Вот те крест, не со зла!

— Ну-ка, ну-ка, — старец, как и не пропадал никуда, снова стоял рядом. — Ты с коленок-то встань, чего штаны протирать! Что ковш из воды не поднял — в том промашки нет — ты этим ковшом весь Днепр зачерпнул, того никакой дружине не осилить. Давай, вставай! И ни перед кем боле коленей не гни! Воину то не пристало!

— Так то ж воину, а я... — Иван всхлипнул от жалости к себе, пытаясь сообразить, как это одним ковшом можно зачерпнуть огромную реку. Но спросить не решился, уж больно странным, да что там, чародейным дохнуло от седобородого незнаком-